

КАТЕГОРИЯ ТЕЛЕСНОСТИ В РОМАНЕ Е. НЕКРАСОВОЙ «КОЖА» THE CATEGORY OF BODY IN E. NEKRASOVA'S NOVEL «SKIN»

Аннотация: В данной статье рассматривается категория телесности в романе Е. Некрасовой «Кожа», способы ее репрезентации и функции. Прослеживается преобразование категории телесности в раскрытии материнско-дочернего сюжета в романе. Наблюдается взаимодействие телесности и социального опыта у Е. Некрасовой. Автор использует квазибиографизм и сюжет тела в совокупности в романе «Кожа». Женская субъективность формируется с помощью категории телесности.

Ключевые слова: категория телесности; материнско-дочерний сюжет; квазибиографизм; социальный опыт; женская субъективность.

Abstract: This article examines the category of physicality in E. Nekrasova's novel «Skin», the ways of its representation and functions. The transformation of the category of physicality in the disclosure of the mother-daughter plot in the novel is traced. There is an interaction of physicality and social experience in E. Nekrasova. The author uses quasi-biographism and the plot of the body in combination in the novel «Skin». Female subjectivity is formed using the category of physicality.

Keywords: category of physicality; mother-daughter plot; quasi-biographism; social experience; female subjectivity.

Категория телесности активно развивается в современной женской прозе. В первую очередь, это связано с тем, что данная область литературы тесно связана с феминизмом. Телесность является одной из его самых значимых категорий и остается актуальной для четвертой волны феминизма. Образ тела соотносится с темами свободы и несвободы женщины, через табуированность раскрываются проблемы, связанные с равноправием. Так, тело связано и с принципом самоопределения – признания права каждой женщины на свободу выбора.

Телесность становится важной частью в процессе выстраивания женской субъективности. К этому выводу приходит и А. С. Афанасьев, анализируя роман А. Козловой «F.20», исследователь пишет: «...конструирование женской субъективности происходит...в семиотическом пространстве телесности, художественной репрезентацией которой выступает вариант психотического языка – женский язык» [1, с. 199].

Женская травма в романе «Кожа» изображается при помощи сюжета тела, выступающего способом презентации проблемы травмы. Тело в романе имеет ряд функций. Так, оно представляет метафорическую тюрьму для женщины,

из которой она пытается вырваться, кроме того, тело транслирует внутреннее состояние героинь. С познания тела происходит утверждение девушек как отдельных личностей.

Категория телесности в романе изображается с помощью материнско-дочернего сюжета. При этом мы можем наблюдать новое смысловое наполнение данного сюжетного мотива.

Выстраивая диахроническую модель материнско-дочерних взаимоотношений в романе, можно выделить следующие варианты.

Первый вариант – взаимосвязь Хоуп и Голд. Автор делает акцент на том, что Голд для Хоуп, а точнее тело матери – это «ее мягкие земли» [2, с. 12]. По-настоящему они счастливы, когда ощущают друг друга телесно. Здесь раскрывается метафора тела матери как земли – некоего пространства, которое замещает понятие родного края. Голд в свою очередь воспринимает Хоуп как свою третью грудь, следственно, как неотъемлемую часть себя. Стоит отметить, что Голд начинают уважать, когда она рождает дочь и становится более уязвимой. Матери становится в разы труднее с появлением дочери, она начинает чувствовать физическое недомогание. Дочь становится частью матери, причем самой уязвимой. Когда происходит насильственный разрыв дочери и матери, героиня находится в постоянном поиске связи с Голд, пытается ее возобновить. Возвращение домой к своим «мягким землям» становится мечтой и целью девушки. В то же время Голд уже не ждет воссоединения с дочерью. Мы видим, что связь между женщинами давно оборвалась и надежды Хоуп на возвращение единения с матерью не оправдались. Близости между матерью и дочерью нет, и не будет.

Взаимодействие Домны с семьей и матерью, в частности, – это второй вариант материнско-дочерних отношений, также можно говорить и о том, что он является более детализированным первым вариантом. Домну также отрывают от семьи и отдают прислуживать девушке дворянского происхождения, которая начинает относиться к Домне, как к подруге. Поэтому девушка носит сравнительно хорошую одежду, учит французский язык, достаточно много читает, а ее тело абсолютно не подвержено тяжелой физической работе. Девушка абсолютно отрывается от собственного происхождения, кроме того, здесь происходит ситуация замещения матери. Поэтому, когда девочка потом встречает мать, она чувствует телесное отторжение к ней, чувствует себя рядом с ней чужой, из другого мира. Домна сравнивает себя «нежнорукою, в недеревенском платье» с матерью, которой она стыдится, стыдится «ее запаха пота, ее одежды» [2, с. 47]. Через данные примеры можно видеть, как тема «свой» и «чужой» связана с темой тела. Причем выделяется познание себя героиней не просто через свое тело, а через тело ее родного человека, с которым ее разлучили достаточно давно и с которым какая-либо связь потеряна. Можно наблюдать, что, несмотря на вынужденную разорванность связи с матерью, Домна не пытается восстановить ее, поскольку героиня понимает непродуктивность таких взаимоотношений. При этом сложно говорить о том, что девушка ищет иные пути самоопределения.

Третий вариант – это связь Клавдии с матерью, а точнее ее полное отсутствие. Девочка почти всю жизнь прислуживала в доме Хлебного капиталиста, поэтому и семью совсем забыла. Это пример полной оторванности дочери от матери, при которой передачи телесного языка и вообще какой-либо преемственности не существует.

В романе делается акцент на биологической наследственности. Дочери либо перенимают что-то у матери, либо нет. Так, Хоуп не наследует физические силы матери. Однако дочь хлебного капиталиста похожа на свою мать, причем «взяла» от нее только физические черты.

Таким образом, можно говорить о том, что в романе матери не передают дочерям никакого духовного и телесного женского опыта. Мать воспринимается как канал биологической передачи человеку чего-либо. Мы видим, что в романе нет примеров, где между матерью и дочерью выстраивается телесный язык, через который бы передавался материнский опыт и выстраивалась женская субъективность дочери.

Можно сделать вывод о том, что материнско-дочерний сюжет в романе активно участвует в реализации феминной самоидентификации. При этом, если в женской литературе 1990 – 2000-х годов материнско-дочерний сюжет был тесно связан с процессом конструирования женской субъектности, то теперь он начинает играть ведущую роль в процессе конструирования женской субъективности, и именно в этом качестве данный сюжетный мотив становится элементом общего сюжета тела.

Кроме того, художественная репрезентация сюжета тела характеризуется предельной буквализацией, составляя основу событийной канвы романа. Событийный ряд приобретает гротескно-фантазмагорический характер, выстраиваясь вокруг ситуации обмена кожей Домны и Хоуп. Подобная буквализация становится способом художественной репрезентации идеи интерсекционального феминизма.

Е. Некрасова строит сюжет произведения на основе обмена женщинами социального опыта. Это помогает ей определить его отличительные особенности и общие черты. Обмен происходит как метафорично, так и буквально. По ходу действий романа девушки несколько раз меняются кожей, что позволяет им получить социальный опыт в двух странах в разном облике. Хоуп понимает, каково быть темнокожей в России и каково быть женщиной с белой кожей. Также и Домна получает опыт темнокожей женщины в обеих странах.

Домна и Хоуп «меняются жизнями», что становится для них неким опытом. Героини не становятся подругами, но они являются как бы «взаимозаменяемыми» для общества. Девушки в поисках себя и своей субъективности в прямом смысле примеряют на себя опыт друг друга, но при этом не образуют общего целого, путь развития героинь происходит по-разному.

Стоит отметить, что для четвертой волны феминизма также важна телесная автономия, то есть право неприкосновенности и владение собственным телом, поскольку оно также является важной составляющей в идентификации человека. В романе Е. Некрасова отмечает, что тело женщины чаще всего принадлежит не ей, что также является социальным конструктом. Но в определенный

момент ее героини приходят к осознанию своего права, начинают отстаивать свое тело, преодолевая образ «покорной женщины», разрушая общественные установки.

Таким образом, значение телесности характеризуется и через социальный опыт, его влияние и обмен.

Телесность определяет структуру романа. Евгения Некрасова использует жанровую стратегию автофикшена, представляет читателям истории жизни не только двух героинь, но и квазибиографической повествовательницы, голос которой сливается с другими голосами в произведении.

Образ квазибиографической повествовательницы – это образ самой Евгении Некрасовой. Подтверждение этому мы находим в «Пилотных словах», а также в последней главе. При этом в ней девушка описывает свою кожу, которая находится на некоем существе: «среднерусская, белая, бледная кожа, с синеватым оттенком от недостатка витамина D, скользкая от сала, готовая быстро и надолго ответить на случайный или специальный удар фиолетово-желтым синяком, красной блямбой распухнуть от укуса комарихи, быстро и часто выдающая в порах гнойные прыщи и черные толстые волосы, постоянно зудящая» [2, с. 350]. Точно такое же описание мы встречаем в начале, когда автор представляется, дает подробную характеристику собственной кожи и заявляет право на создание этого текста. Так, Е. Некрасова сама идентифицирует себя в романе.

Таким образом, категория телесности является одним из самых важных способов идентификации и самоидентификации героини в романе. При этом на современном этапе гендерно-маркированной прозы мы находим, что телесность конструирует женскую субъективность, а не субъектность, как это было ранее.

Библиографический список

1. Афанасьев, А. С. Стратегии гендерных репрезентаций в русской женской литературе 1980–2010-х гг. : дис. ... д-ра филол. наук / А. С. Афанасьев. – Казань, 2022. – 399 с.
2. Некрасова Е. Кожа : [роман] / Е. Некрасова. – М. : Popcorn Books, 2022. – 352 с.